

УДК 811.161.1'42
ББК 81 + 82

Т. В. Симашко
г. Северодвинск, Россия

К вопросу об изучении современных примет на фоне традиционных

Раскрываются языковые признаки современных примет, отличающие их от традиционных текстов, анализируются некоторые новые по сравнению с приметами прошлого структурные, семантические и образные черты исследуемых единиц. Постулируется продуктивность использования современных примет как материала для изучения актуальной языковой картины мира.

Ключевые слова: структура, семантика, образность современных примет.

T. V. Simashko
Severodvinsk, Russia

On the Issue of the Study of Modern Omens Against the Background of Traditional Ones

The paper reveals some linguistic features of modern omens distinguishing them from traditional texts and discusses some new (as compared with the omens of the past) structural, semantic and figurative characteristics of the observable units. The author postulates the productivity of the usage of modern omens for the study of the actual language picture of the world.

Keywords: structure, semantics, figurativeness of modern omens.

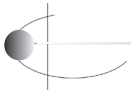
Народные приметы, складываясь на протяжении многих веков, отражают культуру, быт, нравы, духовную и трудовую деятельность людей. Учёные как прошлых двух веков, так и наших дней, описывая и истолковывая приметы, выявляют их структурно-семантические особенности, варианты употреблений, мифопоэтические основы многих из них, научную достоверность немалой их части, языковую организацию [4; 5; 7; 13; 14; 15; 17 и др.]. Анализ народных примет преимущественно направлен на выявление опыта, накопленного в прошлом. И в этом отношении приметы являются важным источником изучения языковой картины мира, составляя вместе с другими паремиями «единый мировоззренческий комплекс» [1, с. 38].

Существуют разные мнения о современной жизни примет. Иногда отмечают их непопулярность, «захолустность, какую-то провинциальность, старомодность» [6, с. 73]. Тогда как в других работах, напротив, подчёркивают их актуальность. Отчасти это связано с тем, что всё большее внимание исследователей народной культуры «привлекает к себе то, что всего лишь пару десятилетий назад не признавалось "фольклором" или не считалось достойным исследовательской рефлексией» [10, с. 18].

Интенсивное изучение в последние годы городского информационного пространства раскрыло его гетерогенный характер, наличие отдельных субкультур и многообразие текстов, функционирующих в них. Такое положение дел не могло не привести к обсуждению вопроса о том, какие же тексты можно признать фольклорными. К. А. Бог-

данов считает, что «в реальной речевой практике нашего современника <...> "фольклорно" то, что "всем известно", что не предполагает каких-то специальных объяснений внутри данной социальной группы» [3, с. 47]. Ясно, что такое понимание значительно расширяет характер материала, привлекаемого к анализу: «это может быть анекдот, фраза из популярной песни или кинофильма, расхожая цитата классика или пропагандистский лозунг и т. п.» [Там же, с. 48]. Автор утверждает, что «статус прецедентности (resp. "фольклорности") тех или иных текстов устанавливается методом их социального "масштабирования". Важно количество текстов, их повторяемость, семиотическая валентность, степень трансмиссии, "глубина" выражаемой ими традиции и т. п.» [Там же, с. 60].

В связи с этим важно подчеркнуть, что как бы широко ни понимался материал, важно учитывать, что «никаких новообразований, свободных от традиции, в фольклоре не существует. Если в новообразованиях налицо свобода от традиции, то они не могут рассматриваться как фольклорные. Напротив, если новообразования отмечены приверженностью к традиции, даже если сама традиция изменилась, то новообразования фольклорны. И в первую очередь надо изучать новое качество традиций, понять, как они изменились» [2, с. 227]. Отсюда вытекают и современные задачи изучения новых текстов: «необходимо решать, какие свойства присущи традициям фольклорного творчества нашего времени и чем эти традиции отличаются от давних» [Там же]. И здесь не обойтись, как нам кажется, без накопления частных черт, которые проявляются в разных жанрах.

Отметим также, что изучение текстов, функционирующих в однородной по определённым признакам среде, представляет несомненный интерес для понимания одной из составляющих актуальной языковой картины мира. Это тем более важно иметь в виду, если учесть, что, осуществляя целостный анализ текстов отдельных субкультур, исследователи подчеркивают их общность с другими субкультурами [8; 12; 19 и др.]. Так, М. М. Красиков, анализируя тексты, записанные в среде спортсменов, говорит о том, что отдельные их черты сходны с теми, которые проявляются в текстах, бытующих в студенческой, армейской, тюремной или шахтерской среде. Это позволяет поставить вопрос о наличии определённых общих социальных и / или психологических условий порождения и функционирования тех или иных текстов в определённых слоях населения, что может стать основанием для дифференцированного описания актуальной языковой картины мира.

Черты общности обнаруживаются и при изучении отдельных жанров. Т. Б. Щепанская, рассматривая приметы с позиции транслируемых ими профессиональных норм, устанавливает признаки, которые находят отражение в текстах, употребляющихся в разных профессиональных группах. Так, автор отмечает, что «ряд примет регламентирует внешний облик работника, точнее, ограничивает его действия по изменению своего облика» [20, с. 423] в ответственные моменты для людей той или иной профессии. Например, мыть голову считается опасным у актеров, у медиков и пожарных (перед дежурством); у акушеров-гинекологов не принято перед дежурством стричь и красить ногти, класть на стол нож (может быть трудный случай с кесаревым сечением); у таможенников – братья за лезвие бритвы, пока не возбуждено уголовное дело (в случае обнаружения криминала). Сходство примет описывается автором и по иным признакам, репрезентирующим профессиональные нормы общения.

В литературе есть попытки выявить и другие типологические черты отдельных жанров, в том числе примет, ритуальных действий. Например, в статье К. Э. Шумова говорится о том, что некоторые студенческие приметы создаются «по традиционным принципам, заложенным в крестьянской культуре, <...> часть примет имеет совершенно явный отпечаток влияния детского фольклора» [18, с. 167]. М. М. Красиков, анализируя ритуальные действия студентов, утверждает, что доминантной чертой студенческой субкультуры является её игровой характер [9], что, как известно, характерно и для некоторых фольклорных жанров.

Изучение современных фольклорных текстов, впрочем, это касается не только примет,

позволяет обнаружить, что во многих из них наблюдаются связи с традиционными фольклорными жанрами и одновременно отражается заметное влияние циркулирующих в обществе различных информационных потоков.

Активное продуцирование примет, причём созданных людьми разных социальных групп, широкое их использование – то ли в шутку, то ли всерьёз – в повседневном общении уже само по себе дает основание для формулирования задачи их изучения. Ведь, как справедливо пишет С. Ю. Неклюдов, «понимание социальных процессов и форм общественного сознания невозможно без обращения к текстам, которые это общество продуцирует» (10, с. 18).

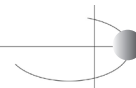
Как показывают записи, представленные на сайтах Интернета, в некоторых исследованиях, в «Большой книге примет» [11], современные тексты имеют хождение наряду с традиционными приметами.

Сам факт воспроизведения традиционных примет в речи наших современников интересен, по крайней мере, в двух аспектах. Во-первых, позволяет выявить корпус устойчивых единиц, сохранившихся на протяжении значительного отрезка времени. Во-вторых, даёт возможность установить прагматические функции примет, рассмотреть их роль как части дискурса, если при этом записываются обстоятельства, в которых используются традиционные тексты. Для решения таких задач необходима последовательная полевая работа и комплексный подход к изучению материала. Однако в настоящее время для этого явно ещё не сложились условия, поэтому приметы описываются либо в ряду других текстов тех или иных субкультур, либо с позиции присущих им отдельных черт.

В намерения автора данной статьи входит проанализировать языковые особенности и на этой основе установить отдельные традиционные и инновационные черты современных примет, некоторые структурно-семантические характеристики, социальную среду их бытования.

Современные тексты легко узнаются среди традиционных примет по характеру используемой в них лексики, часто заимствованной в прошлом веке или в последние десятилетия. Многие слова свидетельствуют о принадлежности новых примет к городской культуре, определённым её субкультурам, указывают на употребление текстов в тех или иных социальных группах, а их авторов характеризуют как образованных людей, владеющих абстрактными понятиями и во многом отошедших от традиционных наименований.

Так, нередко в традиционных приметах называются ментальные сущности: *счастье, удача, корысть, грех, добро, худо* и т. д. Обращение к

подобным понятиям наблюдается и в новых приметах. Однако они включают отсутствующие в народных приметах слова и словосочетания, которые называют душевное состояние, их оценку или обозначают характер отношений между людьми. Например, *депрессия* ('угнетённое психическое состояние'), *дезорIENTATION* ('введение в заблуждение'), *дисгармония* ('разлад, разногласие'), *проблематично* ('возможно, предположительно'), *репутация*, *интрига*, *шантаж*, *клевета*, *флирт*, *секс*, *рутинная жизнь*, *романтическое знакомство*. Приведем несколько текстов: *Поймать во сне воробья – к знакомству, интриге; Пролить воду на колени в 29-й день по солнечному календарю – к клевете на вас, шантажу; Если вам попала соринка или ресничка в глаз в 23-й день по солнечному календарю – к обману, дезориентации* [11, с. 66, 72, 81].

Новые приметы могут содержать названия предметов или действий, которые отсутствуют в народных текстах, многие из них отражают реалии последних десятилетий. Например: *Увидели молодого человека на велосипеде – ждите телефонного звонка; Влюблённым нельзя фотографироваться вместе, иначе их ждут ссоры, они скоро расстанутся; Доллар, найденный на дороге, – предвестник дорогого подарка, который могут сделать всего лишь раз в жизни; Рушащийся балкон означает смерть близкого человека; Если вернуться за сотовым телефоном – весь день пойдет наперекосяк; Чешется правый глаз – к СМСке от любимого* (Мол.) [11, с. 19, 50, 54, 64, 81, 114].

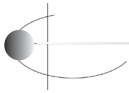
На принадлежность примет к новым текстам могут указывать наименования людей по роду их занятий – *директор фирмы, байкер, шофер, журналист*. В таких текстах нередко используются не характерные для крестьянской среды названия из области экономики: *финансовый (крах, кризис), финансовое благополучие, финансовая операция, конкуренты, карьерное продвижение, малооплачиваемая работа*. Например: *Видеть горящее дерево – к финансовому краху. Но это произойдет только тогда, когда дерево загорелось от удара молнии; Наряжать во сне елку к малооплачиваемой работе* [11, с. 107, 123].

Лексический анализ текстов новых примет позволяет систематизировать их в зависимости от тех социальных групп, в которых они используются. Это могут быть группы людей, связанных одной профессией или общими интересами и занятиями. Например: в среде медиков – *Если врача очень хвалит пациент, врач обязательно «напортачит»*; владельцев автомобилей – *ГАИ не остановит, если перед постом ГАИ водитель запоем в машине*; байкеров – *Если в лоб байкеру врезалась муха или жук – это предупреждение об*

опасности; спортсменов – Последний мяч на разминке вратарь обязательно должен поймать – к удаче в игре; студентов – Перед экзаменом покатай по учебнику яблоко – подкатит пятёрка [11, с. 19, 67, 77, 489]. Немало текстов примет, лексика которых свидетельствует о том, что они употребляются в речи пожарных, лётчиков, музыкантов, актеров и т. д., на что в материалах словаря часто указывают пометы [11]. В ряде случаев это помогает дифференцировать среду бытования, ср., например, из речи школьников – *Ни за что не мойте голову перед экзаменом – это просто опасно* (Шк.) и из речи студентов – *Перед экзаменом на ночь положить под подушку волос – сдашь успешно* (Студ.) [11, с. 488]. Но в других случаях для понимания этого достаточно самого текста: *Нельзя мыть машину на берегу реки – угонят* (Авто); *Если кто-то увидит, как гримируется актер, спектакль провалится* (Театр.) [11, с. 12, 14]. Безусловно, наличие таких помет совершенно необходимый элемент научной фиксации записи. Но нельзя не признать и то, что и сама по себе лексика текстов примет позволяет выявить принадлежность их к разным социальным группам.

Структура многих новых текстов повторяет структуру традиционных примет, ср., например, *Собака укусила байкера – к аварии, неудачной поездке* [11, с. 19] и *Собака жметя к хозяину – к несчастью* [5, с. 575]. Вместе с тем отметим, что немало среди новых текстов и таких, которые отличаются многословием, не свойственным традиционным приметам, например, *Появление бабочки в служебном помещении сулит неопишуемые метаморфозы хозяину (к примеру, директору фирмы и т. п.). Метаморфозы могут быть только хорошие: финансовый рост, получение баснословной прибыли, появление зарубежных партнеров* [11, с. 18]. Обратим внимание на наличие оценочных определений, выражающих высокую степень качества (*неопишуемые, баснословной*), которые также не характерны традиционным приметам.

Есть и другие структурно-семантические различия традиционных и новых примет. Так, в традиционных текстах события, обозначенные в первой части приметы, лаконично интерпретируются во второй, например, *Кони ржут – к добру; Сорока скачет на дому больного – к выздоровлению* [5, с. 575, 576]. Изредка с помощью слова *большой* называется размах бедствия: *Если мышь попадёт за пазуху, то быть большой беде* [5, с. 577]. На фоне этого любопытно, что в новых приметах интерпретационная часть может быть представлена в виде градуальных оценочных определений, позитивный их характер, оптимизм прогноза не исключает шутовскость таких текстов. Например, *Если в бороду байкера врезалась муха или жук – к удаче, если запуталась в бороде – очень хорошо*;

Если по монитору проползёт божья коровка, вас подстерегает **большое и светлое** счастье [11, с. 19, 39, 37]. В последнем случае слово *подстерегает*, надо полагать, употребляется с целью достижения комического эффекта.

Отметим также, что в изученном материале полностью отсутствует обозначение времени посредством народного именованья того или иного дня, что чрезвычайно частотно в традиционных текстах: *На Сидора* (14 мая) *сиверко, и все лето таково*; *На Иванову ночь* (24 июня) *звездно – много губ (грибов) будет* [5, с. 553, 554]. Однако, судя по сайтам Интернета, в активном употреблении находятся традиционные приметы, в которых употребляются такие наименования, как *Благовещенье, Крещение, Рождество, Покров*. Вместе с тем время как компонент структуры, с которым связывается вероятность свершения предсказания, представлено и в новых приметах, но иначе. Нередко указывается день по солнечному или лунному календарю: *Волосы нельзя стричь в так называемые сатанинские лунные дни* (9, 15, 23 и 29 дни по лунному календарю), *а также в дни солнечного и лунного затмения: после таких процедур можно заболеть или, как говорили в старину, «память и ум состричь»*; *Найти мелкие деньги в 28-й день по солнечному календарю – к благополучию и удаче* [11, с. 69, 105].

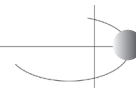
Интерес представляет и вопрос о включении в современные приметы традиционных символов и образов, их семантико-символической интерпретации в новом контексте. Некоторые приметы обнаруживают большое сходство. Например, образ *полных – порожних вёдер*, интерпретируемый в традиционных приметах к удаче или к неудаче, обнаруживается и в современных текстах: *Встретить мужчину с полным ведром, бидоном и т. п. – жди премию* [11, с. 49]. Символическое значение веника как «средства отгона, удаления чего-то нечистого <...> широко используется для избавления от нечистой силы, болезней и других опасностей» [16] в традиционных обрядах и приметах. Это же значение представлено в современных приметах, употребляющихся как в повседневной жизни, так и на службе, производстве: *Чтобы получить большую прибыль, ставьте веник в офисе всегда в угол ручкой вниз; Веник стоит в самолёте помелом вверх – к прибыли; Надо всегда держать дома веник метлой кверху – будет богатство* [11, с. 51, 52, 225]. Данное символическое значение проявляется и в студенческом ритуале: *Чтобы успешно сдать экзамен, нужно привязать к венику белую ленточку – символ удачи, из каждого угла комнаты смести мусор на середину, собрать и, приговаривая: «С этим мусором уйдёт вся моя неудача», вынести мусор на перекрёсток (Студ.)* [11, с. 52].

Выделенный корпус современных примет содержит тексты, различающиеся семантическими, прагматическими и образными характеристиками. Между тем и современные, и традиционные приметы обладают структурной общностью, представляя собой семантически производные высказывания. Их основу составляют две исходных структуры, одна из которых – ситуация-метка – содержит информацию о том, какой предмет или событие, в какое время примечается и становится точкой отсчёта для истолкования других событий. Вторая – ситуация-интерпретатор – выполняет по отношению к ситуации-метке интерпретирующую функцию и включает информацию о материальных или ментальных объектах, явлениях, которые прогнозируются, истолковываются с опорой на первую.

Современные приметы могут быть систематизированы по разным семантическим основаниям. Наиболее общей чертой, позволяющей разделить тексты на две группы, может служить характер отражённой в них ситуации. Первую группу представляют приметы, в которых находят выражение различные повседневные ситуации и не используются образы природы: *Если шофёр ест за рулем, его обязательно остановят гаишники; Женщина у скамейки (на скамейке) запасных – не к добру, даже если она в форме и при исполнении, иначе – проигрыш* (Спорт., футб.); *Пожарные замечают, что опасные выезды случаются, когда надеваешь на дежурство новую или выстиранную только что форму* (Пожарн.) [11, с. 67, 103, 138]. События, отражённые в единицах данной группы, фиксируют разнообразные ситуации современной жизни.

Вторую группу составляют приметы, в которых также отражаются повседневные ситуации, но в них содержатся образы природы, причём такие образы могут выполнять различные функции в тексте. Эти приметы интересны тем, что могут быть сопоставлены не только друг с другом, но и с традиционными текстами, в которых закрепились символические значения многих природных объектов. Такие приметы могут содержать наименования животных, растений, состояний окружающей среды, небесных светил, времени суток: *Птица залетела в самолет – к аварии, поломке* (Авиа) [11, с. 329]; *Бабочка, севишая на голову, – предвестник длительной поездки за рубеж* [С-5]; *Сильный шквал с ливнем и грохотом снится – к выигрышу в азартной игре; Если ночью услышишь нечётное количество звуков сигнализации – день будет неудачный* (Мол.) [11, с. 208; 253].

Каждая из двух групп обладает своими особенностями. Кстати, первая группа примет также может включать известные традиционным текстам символы, но они не связаны с миром приро-

ды. Здесь обратимся лишь к некоторым особенностям второй группы, единицы которой составляют более 40 % от собранного материала. Анализ этих примет с учетом их структурно-семантических особенностей показывает, что события, отраженные в каждой из исходных структур, существенно различны в современных и традиционных текстах. Среди традиционных примет чрезвычайно много таких, в которых обе исходные структуры содержат слова, обозначающие объекты природы. Ведь люди, наблюдая за живой и неживой природой, выделяли ситуации, помогающие им ориентироваться, избегать нежелательных явлений и гармонизировать свою жизнь с миром природы.

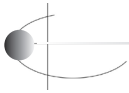
Иначе в современных приметах. Слова, обозначающие объекты природы, практически всегда содержатся в ситуации-метке. И только в единичных случаях такие слова входят в ситуацию-интерпретатор: *Кошка сидит на печи или на батарее – к морозу*; *Кошка точит когти о ковер или мягкую мебель – к ветру*; *Ветер к вечеру усиливается – приближается циклон* [11, с. 55, 190]. Собственно, приведенные тексты можно считать лишь слегка обновленными традиционными приметами. Так, по поведению кошки выбирать теплое место предсказывалась холодная погода, что и нашло отражение в традиционных приметах: *Кошка в печурку – стужа на двор*; *Кошка к морозу в печурку садится*; *Кошка ложится на загнетку – к морозу* [5, с. 568]. Аналогично и в следующем тексте, где ситуация-метка современного текста – *Кошка точит когти о ковер или мягкую мебель* – соответствует этой же исходной структуре в народной примете: *Кошка скребет пол – на ветер, на метель* [Там же]. Различие касается лишь предметов быта: *ковер, мягкая мебель и пол*. Так же и в третьем тексте: слово *циклон* употребляется, надо полагать, под влиянием регулярных метеосводок, тогда как в народной примете говорится о *ненастье*: *Ветер, усиливающийся к вечеру, – к ненастью* [15, с. 124].

Приведем другие примеры, где наблюдается обновление текста при сохранении традиционных образов и семантических отношений между исходными структурами. *Муха в кабине машины скорой помощи – жди труп в салоне* (мед., с/п) [11, с. 386]. Предполагаем, что здесь кабина машины воспринимается как своё пространство, «свой дом», что имеет место и в традиционном тексте. Подобие обнаруживается и в ситуации-интерпретации, сообщающей о том, чего следует ждать: *Мухи зимою в избе – к покойнику* [5, с. 575]. Аналогично: *Случайно заметить следы зайца – к несчастью, возможна авария* [11, с. 151]; *Увидеть зайца, выскочившего прямо из-под ваших ног, – вы обязательно испытаете состояние шока* [С-1]; *Если вы убьете жабу случайно – к несчастью, спе-*

циально – накликаете беду на свой дом, возможно ограбление вашей квартиры, дома или дачи [11, с. 435]. Заметим, что в последнем тексте представлены две приметы, и символическое значение убийства жабы (лягушки) в каждой из них имеет соответствие в народной культуре.

Однако гораздо чаще такие прозрачные аналогии отсутствуют. Это объясняется тем, что при создании современных примет их авторы могут руководствоваться различными установками, нередко с опорой на современные ситуации, типичные для тех или иных социальных слоев; могут использовать, скорее всего, интуитивно отдельные коды традиционной (народной) культуры, хранящиеся в памяти. Поэтому интерес представляет вопрос о том, какие именно объекты природы входят в современные приметы и как они осмысливаются.

В ряде новых текстов ключевым для интерпретации (прогнозирования) может оказаться символическое значение каких-то реалий, чаще всего из мира домашних животных, птиц. Вместе с тем подчеркнем, что в этих случаях вовсе не обязательно, чтобы событие, содержащееся в ситуации-интерпретаторе, было сходно с известными в традиционных приметах толкованиями. Например, *Кружащийся над вами жаворонок принесет известие о скором и стремительном продвижении по служебной лестнице*; *Вы прогуливаетесь в парке (лесу) и слышите пение жаворонка – можете быть спокойным, вас ждет прекрасное будущее* [11, с. 131]. В народной культуре жаворонок – это птица чистая, божья, которая открывает весну, своим пением призывает к началу полевых работ [4, с. 633–639]. Однако в современной примете слово *жаворонок* употребляется в значении ‘птица, приносящая добро’, что в принципе можно считать обобщенным значением усвоенных символических представлений, связываемых с этой птицей. Такое значение, по-видимому, достаточно устойчиво: на противопоставлении ему возникает примета, в которой используется образ мертвого жаворонка: *Увидеть мертвого жаворонка – к смене места работы с полной потерей финансового благополучия* [С-1]. Любопытно, что к данной примете приводится также подсказка, как избежать пророчества: *В этом случае следует трижды произнести: Пение не сопение, сколь упал, столь поднял, выкинул да забыл!* Воспринять по-новому значение традиционного слова-символа помогают события, отраженные в ситуации-интерпретации. Представляется, что сходный способ включения символов в современный текст наблюдается и в примете, где каркающий ворон предстает недобрый, но не зловещим знаком, как в традиционных текстах: *Если вы собираетесь позвонить и рядом с вами гром-*

ко **каркает ворон**, отложите звонок на потом: сейчас вам не обрадуются [11, с. 73]. Ср.: Ворон каркает на церкви – к покойнику на селе, каркает на избе – к покойнику во дворе; Ворон каркает – к покойнику; Через который двор ворон перелетел, каркая, там будет покойник [5, с. 575].

В современных приметах отражаются также символы культуры других народов. Так, возможно, увлечение Фэн-шуй, где одним из эффективных талисманов считается **денежное дерево** (крассула, толстянка), которое помогает привлечь богатство, привело к возникновению примет: *В офисе должно быть денежное дерево – это тоже к финансовому благополучию* (Бизн.); *Денежное дерево погибает – к финансовому краху* [11, с. 103].

Новые тексты конструируются на основе интерпретации поведения животных, не получивших образного выражения в традиционных приметах в силу их экзотичности: *В зоопарке обезьяна начнет строить вам рожи – вас окружают только лицемеры, а вы им слишком доверяете; Обезьяна выписывает в воздухе пируэты (прыгает, кувырывается) – вас ожидают амурные дела* [11, с. 265]; *Увидеть обезьяну сидящей на плече у проходящего мимо вас незнакомца – вы превращаетесь в шуту для коллег или, по крайней мере, вас таким выставляют* [С-1].

Думается, содержание современных примет – это стихийное преломление информации, усвоенной из разных источников, причём грани между «верю» и «развлекаюсь», по-видимому, далеко не всегда четкие. Может быть, в некоторых случаях содержание навеяно романтическими эпизодами, почерпнутыми из литературы, кинофильмов, – *Посылать любовное послание (e-mail) при свете луны – к успеху в любви* [11, с. 215] или определяется желанием поддержать оптимистический настрой в критической ситуации: *Если в день экзамена светит солнце – сдашь хорошо* (Студ., шк.); *Дождь спартаковская погода, в дождь «Спартак» всегда побеждает* [11, с. 110, 398].

Среди текстов, которые относятся к современным приметам, немало и откровенно шуточных. Интересно, что многие из них построены с использованием традиционных символов. Например, известно, что, по народным приметам, кваканье лягушек предвещает дождь. Точное до минуты время выражает ироничное отношение к этой информации: *Лягушка квакает на лугу – через 2 часа 46 минут начнется дождь* [С-2]. Всем известная

примета о кошке, перебежавшей дорогу, получает новое развитие в ситуации-интерпретаторе: *Если вам перешла дорогу черная кошка, значит у нее важные дела на другой стороне улицы* [С-6]. Задорный оптимизм и абсолютная вера в удачу звучит и в примете байкеров, в которой используется эта же ситуация: *Дорогу байкеру перебежала кошка – к хорошей погоде, рыжая – к очень хорошей погоде* [11, с. 19].

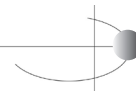
Юмористический эффект достигается разными способами, например, за счёт имплицитной информации, логически связанной с событием, представленным в ситуации-метке: *Низколетящие голуби над головой – к стирке; Если вокруг солнца появились круги – пора проветрить комнату и вымыть окна* [С-4] или за счёт удвоения традиционных символов и создания неправдоподобной ситуации: *Если дорогу тебе перешла черная кошка с пустыми ведрами – счастья не жди* [С-3].

Здесь представлены лишь отдельные черты, которые позволяют систематизировать современные приметы с учётом включённых в их состав потоков информации, актуальной для нашего современника. Отметим, что в целом в таких текстах используется весьма ограниченный набор известных традиционных символов. Помимо тех, о которых шла речь, можно отметить также обращение к символу голубя как чистой птицы, бабочки как предвестника добра, запрет на разорение гнезда птицы. В современные тексты входят такие персонажи, природные объекты, как летучая мышь, ёж, собака, ветер, облака, вода, дуб, жёлудь. Можно было бы назвать и другие, но все же набор их невелик по сравнению с традиционными текстами.

Таким образом, независимо от того, создаются ли современные приметы в шутку или всерьёз, несмотря на их маргинальное место в информационном городском пространстве, они интересны, так как помогают пополнить представление об актуальной языковой картине мира, об объёме и характере сохранившихся в ней традиционных элементов. Широкое лингвокультурологическое изучение современных текстов, сопоставление их с традиционными приметами позволит выявить стереотипные ситуации современной жизни, раскрыть устойчиво сохраняющиеся черты этого фольклорного жанра, установить семантические области инноваций.

Список литературы

1. Аникин В. П. Русское устное народное творчество. М.: Высш. шк., 2001. 726 с.
2. Аникин В. П. Не «постфольклор», а фольклор (к постановке вопроса о его современных традициях) // Славянская традиционная культура и современный мир: сб. материалов науч.-практ. конф.; вып. 2. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 1997. С. 224–239.

3. Богданов К. А. Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб.: Искусство-СПБ, 2001. 438 с. (Серия «Территория культуры: антропология»).
4. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с. (Традиционная духовная культура. Современные исследования).
5. Даль В. И. Пословицы русского народа. М.: ННН; ЭКСМО-ПРЕСС. 2000. 616 с.
6. Девкин В. Д. Приметы // Лики языка. М.: Наследие, 1998. С. 65–74.
7. Коринфский А. А. Народная Русь. Смоленск: Русич, 1995. 656 с.
8. Красиков М. М. К вопросу об изучении субкультуры спортсменов. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/publications.html> (дата обращения 04.06.2011).
9. Красиков М. М. «Шара, приди! Шара, приди! Шара, приди!» (Об одном современном студенческом ритуале). URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/publications.html> (дата обращения 04.06.2011).
10. Неклюдов С. Ю. Поле гуманитарного знания и стратегии исследования народной культуры // Вестник РГГУ: жур. № 10 / 08. Сер. «Культурология. Искусствоведение. Музеология». М., 2008. С. 11–24.
11. Никитина Т. Г. Большая книга примет: ок. 7000 примет / Т. Г. Никитина, Е. И. Роголева, Н. Н. Иванова. М.: АСТ : Астрель, 2010. 509 с.
12. Пушкарева О. В. О специфике и многообразии фольклора туристов. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/publications.html> (дата обращения 04.06.2011).
13. Садова Т. С. Народная примета как текст: лингвистический аспект. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. 212 с.
14. Симашко Т. В. Структура и семантика народных примет // Ментальность и изменяющийся мир: коллективная моногр.; к 75-летию проф. В. В. Колесова / отв. ред. М. В. Пименова. Севастополь: Рибэст, 2009. 504 с. (Серия «Славянский мир». Вып. 1). С. 121–136.
15. Стрижев А. Н. Народные приметы. М.: Современник, 1997. 255 с.
16. Толстая С. М. Постулаты московской этнолингвистики. URL: <http://www.rastko.rs/rastko/delo/11734.html> (дата обращения 04.06.2011).
17. Харченко В. К., Тонкова Е. Е. Лингвистика народных примет: монография. Белгород: Белгородская областная типография, 2008. 224 с.
18. Шумов К. Э. Студенческие традиции // Современный городской фольклор. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2003. С. 165–179.
19. Щепанская Т. Б. Антропология профессий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. №1 (21). С. 139–161.
20. Щепанская Т. Б. Фольклор профессиональных сообществ: приметы // Первый Всероссийский конгресс фольклористов: сб. докладов. Т. 2. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2006. С. 405 – 427.
21. С-1. URL: http://www.ezosite.ru/token/primeta/actual/actual_2227.html (дата обращения 04.06.2011).
22. С-2. URL: <http://www.zaza.net.ua/forum/showthread.php?p=78642.html> (дата обращения 04.06.2011).
23. С-3. URL: <http://www.loleg.com/blog/2007/04/28/2465/html> (дата обращения 04.06.2011).
24. С-4. URL: http://blogs.privet.ru/user/kleopatra_042/101192394.html (дата обращения 04.06.2011).
25. С-5. URL: http://www.ezosite.ru/token/primeta/actual/actual_2201.html (дата обращения 04.06.2011).
26. С-6. URL: <http://www.money-magic.ru/umor.html> (дата обращения 04.06.2011).

Рукопись поступила в редакцию 06.06.2011.